

УДК 930.23+94(57)
DOI: 10.17223/19988613/63/19

Е.А. Михайличина

СИБИРСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ НАУЧНОЙ ПЕРИОДИКЕ

Рассматриваются некоторые аспекты сибирской колонизации на материалах зарубежной научной литературы и отечественной историографии Сибири. Уточнено понятие «сибирская колонизация», кратко проанализирована современная зарубежная и российская историография темы. Представлено описание журнала «Сибирика», впервые ставшего объектом исследования в современной отечественной историографии. Сделаны выводы о несомненной пользе изучения зарубежной научной периодики, позволяющей рассмотреть сибирскую проблематику в других ракурсах.

Ключевые слова: сибирская колонизация; «Сибирика»; ссылка; зарубежная историография.

На протяжении последних полутора лет Сибирь неизменно привлекает внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей. Этот интерес легко объясняется уникальными экономико-географическими характеристиками данного региона, а также историей и характером присоединения к Российской империи. Именно история и характер присоединения или освоения Сибири русскими или даже сибирская колонизация – вопрос, породивший множество теорий и концепций как в России, так и за рубежом – в фокусе внимания в данной работе.

Прежде всего, много споров возникает из-за терминов, которые отечественные и зарубежные историки используют при описании характера присоединения Сибири. Среди них – «освоение», «ассимиляция», «колонизация», «русская восточная экспансия», «завоевание», «покорение» (последние используются в основном западными исследователями) и др. Многие современные исследователи полагают, что невозможно обозначить одним термином такой сложный и долгий процесс, происходивший на огромной территории и испытывавший влияние множества различных факторов [1. С. 7]. Тем не менее наиболее часто встречающимся является термин «колонизация». А.С. Хромых в статье, посвященной уточнению понятия «сибирский фронт», дает следующее определение понятия «колонизация»: «Принятое в отечественной историографии в отношении Сибири определение колонизации имеет комплексный характер. Оно предполагает социально-экономическое, политическое и духовное освоение всей площади на присоединяемых территориях» [2. С. 6]. Данного термина придерживается также отечественный историк И.А. Попов, в работе которого представлен наиболее актуальный анализ изученности современной англо-американской историографии сибирской колонизации. И.А. Попов, так же как и Д.А. Ананьев [3. С. 12], отмечает выраженную идеологическую тенденциозность отечественных и зарубежных исследователей в работах советского периода, а также возросший интерес и плюрализм мнений в отношении исследований западных историков, наблюдаемый в

конце XX в. [4. С. 9]. Некоторые российские историки полагали, что с 1990-х гг., с появлением у западных исследователей доступа к российским архивам и множеству материалов, накопленных за советский период, последние откажутся от мнения о захватническом характере присоединения Сибири и Дальнего Востока ввиду того, что доступные им прежде материалы были в основном написаны в конце XIX – начале XX в. и, безусловно, устарели. Однако вышедшая в 2011 г. книга Алана Вуда «Ледяной фронт России: история Сибири и Дальнего Востока, 1581–1991» не подтверждает подобных ожиданий. А. Вуд настаивает на том, что Сибирь функционировала и продолжает функционировать как колония Европейской России. Он также опровергает мнение российских историков о том, что «ассимиляция» народов Сибири с Российской империей в конечном счете пошла им на пользу и вообще происходила в русле исторического развития России [5. Р. 246]. В трудах других зарубежных исследователей (Д. Коллинз, Дж. Форсит, Б. Линкольн и др.) в последнее время много внимания уделяется последствиям колонизации, отразившейся на экологии региона, повлекшей разрушение традиционных для коренных народов Севера способов хозяйствования. Спорным для зарубежных историков является также вопрос о роли государства в освоении территории Северной Азии. Одни придерживаются мнения о в целом грамотной политике центральных властей, которая на местах, ввиду их отдаленности, воплощалась крайне неумело и с многочисленными нарушениями и злоупотреблениями властью, другие критикуют и политику центрального правительства, обвиняя в неумной жадности до сибирских ресурсов, а также в слабости контроля и неспособности навести порядок на местах (А. Вуд, Ю. Слезкин, Дж. Стефан).

Отечественная историография, несомненно, накопила гораздо большее количество трудов по сибирской колонизации, однако необходимость изучения опыта западных коллег сегодня не вызывает сомнений. Таких работ появилось уже немало, изучены вопросы сибирской колонизации в контексте других колониальных

процессов (И.А. Попов), в рамках политики России на рубеже XIX–XX вв. (А.В. Петухов, А.К. Дятлова), написаны труды о знаменитой Калифорнийской школе (Т.В. Воробьева, Д.А. Ананьев) [6. С. 6; 7. С. 5; 8. С. 7; 9. С. 22]. Тем не менее осмыслению и исследованию подвергаются в основном монографии и другая зарубежная научная литература, но крайне мало внимания уделяется обзору научной периодики. Поэтому целью данной статьи является введение в научный оборот неизвестных ранее в России работ зарубежных ученых, опубликованных в журнале «Сибирика» с 2002 по 2018 г. и посвященных изучению сибирской проблематики.

«Сибирика» – рецензируемый междисциплинарный журнал, освещающий все аспекты региона и его отношения с соседними регионами, такими как Центральная Азия, Китай, Япония, Корея и Северная Америка. Журнал публикует статьи, исследовательские отчеты, обзоры конференций и книг по истории, политике, экономике, географии, культурным исследованиям, антропологии и экологическим исследованиям. Он является дискуссионной площадкой для ученых всего мира, представляющих широкий спектр дисциплин, для публикации результатов и обсуждения тем, имеющих отношение к человеческой деятельности в регионе или непосредственное отношение к сибирским исследованиям. Редакторы стремятся содействовать научной дискуссии среди людей с самым разным опытом и мнениями.

Точкой отсчета, знаменующей основание журнала «Сибирика», можно считать семинар BUSSS (British Universities Siberian Studies Seminar), проведенный в сентябре 1981 г. в университете Ланкастер (Великобритания) и объединивший британских академиков, сферой научных интересов которых являлись Сибирь и Дальний Восток России. В течение последующих нескольких лет семинары проводились еще несколько раз (Институт полярных исследований им. Скотта (Кембридж) – 1983, 1984 гг.; Школа славянских и восточно-европейских исследований (Университет Лондона) – 1986, 1993 гг.; Университет Глазго – 1988, 1989 гг.; г. Кемерово, Восточная Сибирь – 1991 г.). За этот период число подписчиков журнала, выходившего по итогам семинаров, увеличилось до двухсот человек [10. Р. 3]. В нем регулярно публиковались итоги работы различных конференций и другие важные достижения. Как научный журнал «Сибирика» издается с 2002 г., в нем публикуются не только научные статьи, но и заметки о текущей работе ученых, опросы, воспоминания, отчеты об экспедициях, биографические очерки и другие работы, охватывающие широкий круг дисциплин.

Под Сибирью авторы и редакторы журнала подразумевают всю территорию, принадлежавшую старой Российской империи, Советскому Союзу и нынешней Российской Федерации, простирающуюся от Уральских гор на западе до побережья Тихого океана на востоке и от Северно-Ледовитого океана на севере до границ в Центральной Азии с Китаем, Монголией и Кореей на юге.

Как объект исследования опубликованные в журнале «Сибирика» научные статьи не являются однородным комплексом, так как принадлежат разным авторам, анализировавшим разные проблемы. Однако по тематике все статьи можно разделить на несколько основных групп. Наиболее важные и частые темы, которые поднимают авторы, касаются таких вопросов, как: положение коренных народов Севера в России и политика государства в отношении их; особенности культуры, религии и быта северных народов; экология региона; исторические события, связанные с Сибирью или происходившие в Сибири и их современная оценка зарубежными исследователями; экономика Сибири и Дальнего Востока и ее связь с хозяйственной деятельностью малочисленных народов Севера; система сибирской ссылки; областничество и некоторые другие. В данной статье рассматриваются научные работы зарубежных исследователей, посвященные таким вопросам, как сибирская ссылка, колонизация, областничество.

Тему сибирской ссылки и колонизации поднимает в своей работе «Половое неравенство в пограничных сообществах: Сибирь и Новая Франция к 1760» Дэвид Коллинз, где отмечает, что преодоление неравенства мужчин и женщин, а именно восполнение нехватки женщин, происходило за счет трех основных источников: смешение с коренными народами, попытки правительства обеспечить женщинами поселенцев-мужчин и быстрый естественный прирост населения с вероятностью того, что выживет больше девочек, чем мальчиков. Он утверждает, что между сибирским и канадским опытом существуют четкие параллели, несмотря на культурные, экономические и политические различия. Советское отрицание полового дисбаланса на раннем этапе колонизации, по его мнению, продиктовано необходимостью доказать, что в СССР никогда не было колониализма, типичного для европейских империй. Д. Коллинз приводит данные антропологических исследований, которые показали, что наибольшее количество смешанных браков и самый большой процент людей со смешанной кровью были найдены на севере и востоке Сибири. Такие браки способствовали взаимопроникновению культур наиболее естественным образом: через традиционные способы хозяйствования, религиозные обряды, повседневные ритуалы [11. Р. 162].

В российских документах, на которые ссылается автор, имеются многочисленные свидетельства того, что военнослужащие имели обыкновение захватывать туземных женщин во время экспедиций на неосвоенные территории, превращая их в рабынь (ясырок), и, несмотря на неодобрение правительства, военнослужащие, торговцы, городские жители и даже некоторые священнослужители покупали и продавали их. Ясырки использовались для различных целей – от домашней работы до наложниц и для прямой проституции. Предположения о том, что крестьяне не были вовлечены в такие действия, опровергаются Д. Кол-

линзом со ссылкой на тексты документов, опубликованных Г.Ф. Миллером.

Автор приводит печально известный пример насильственного захвата местных женщин – хвостовство исследователя Ерофея Хабарова о том, что он захватил 243 ясырки в одной деревне и 170 в другой во время своего похода на Амур в 1652 г. Это происходило, несмотря на более ранние приказы царя, запрещавшие такие практики. В 1649 г. военному служащему из Енисейска было приказано вернуть бурятских женщин, захваченных во время вторжения в Забайкалье. Еще один пример: в середине 30-х гг. Парфен Ходырев из Енисейска владел четырьмя якутскими женами и «молдой якутской девушкой лет 20». В 1664 г. Михайло Дехтярев в Олекминске продал Федору Тышевичу язычницу Агую за 20 хороших шкурок соболя. Публикуются документы, относящиеся к подобной практике в Якутии еще столетие спустя. Несмотря на намерение осудить такое поведение, Н.Н. Оглоблин, как показалось автору, почти восхищался военными. Он писал, что они более энергичны и самодостаточны, чем крестьяне, и вместо того чтобы обращаться к властям за помощью, они решают «вопрос о женщине» для себя любым способом, который видят [12. С. 199].

Похожие примеры приводит Л.И. Шерстова в статье «Движение русских за Урал: этнокультурные трансформации этноса в XVII–XIX вв.»: «...большинство походов в “немирные земли” заканчивалось захватом детей и женщин. Так, во время похода 1641 г. Якова Тухачевского в Киргизскую землю «...жен их и детей взяли 130 человек, да верблюдов 150, да лошадей с 300...». Л.И. Шерстова ссылается на статистику, приведенную Б.О. Долгих, указывающую на то, что в середине XVII в. 10% юкагирских женщин были женами и наложницами служилых и промышленных людей [13. С. 171].

Эти же данные приводит Д. Коллинз: «В 1670-х годах десятая часть всех юкагирских женщин детородного возраста жили с русскими. Один авторитетный источник даже предполагает, что в разгар бурного охотничьего промысла 1640–1650-х годов до 20 процентов женщин жили с русскими» [11. Р. 172]. Автор дает здесь следующее объяснение того, что наибольшее количество смешанных браков и самый большой процент людей со смешанной кровью были найдены именно на севере и востоке Сибири. Во-первых, в то время как в центральных сельскохозяйственных районах русские значительно превосходили численностью коренное население, на периферии они оставались меньшинством до середины XIX в. Во-вторых, в то время как мужчины, живущие в суровых климатических условиях Севера и Востока, приветствовали навыки местных жен (и, возможно, торговые связи, возникающие в результате брака), крестьяне не ценили их. Им нужны были женщины крепкого крестьянского склада, которые могли бы ухаживать за ними и их хозяйствами. В-третьих, было трудно привлечь русских

женщин в пустынную тайгу и тундру, когда были мужчины, которые охотно приглашали их в семьи в относительно более удобных и знакомых районах Юга и Запада (по крайней мере, после того, как степные кочевники перестали представлять угрозу). Интересным фактором является настойчивость некоторых русских исследователей в том, что дети, рожденные в смешанных браках, всегда считались частью русского населения, а не возвращались к родным истокам под влиянием матери. Как только дети крестились, их считали русскими на всю жизнь. Это не было характерно для Новой Франции, например. Такое положение вещей демонстрирует более терпимое отношение к смешанной крови в России, чем среди западноевропейцев, но это также было связано с тем фактом, что большинство россиян поселялось на постоянное жительство в Сибири и на Дальнем Востоке России по своему выбору или по указу правительства. Что касается французских, и особенно британских торговцев, они старались вернуться домой после служебных командировок, и возвращение с невестой-туземкой или метиской было социально неприемлемым в расистской атмосфере европейских городов [11. Р. 172–173].

Таким образом, акцент на постоянное равное соотношение между мужчинами и женщинами в период освоения Сибири, которое приводится в советских изданиях, таких как «Русские старожилы Сибири» [14], следует, по мнению автора, рассматривать как пропаганду, а не историческую правду. «Создатели мифов коммунистического режима были полны решимости, как бы ни противоречили им документальные источники, навязывать успокоительную “правду” о том, что продвижение в Сибирь было мирным крестьянским семейным делом, а не колониальным процессом, типичным для других европейских империй. Правда заключалась в том, что предоставление женщин в качестве вознаграждения российским военным служащим, продолжалось в Восточной Сибири до середины девятнадцатого века, и рассматривалось как одно из обязательств, которое должно было выполнять коренное население», – заключает Коллинз [11].

Эндрю Джентес, еще один исследователь сибирской ссылки, в статье «Совершенно “бесполезные”: высылка инвалидов в Сибирь в царское время» описывает функционирование системы царской России по депортации инвалидов в Сибирь в течение долгого времени, с середины шестнадцатого до конца девятнадцатого века; приводит мотивы тех влиятельных лиц, которые ссылали инвалидов, и предоставляет данные о количестве инвалидов-изгнанников, описывая условия, с которыми они сталкивались. Он утверждает, что эксплуатация государством крестьянства, привлечение крестьянства к коммерциализации экономических императивов и широта сибирских просторов стали факторами, позволившими создать «уникальную кровавую систему российской ссылки, которая длилась веками» [15. Р. 26].

Согласно докладу Сибирского комитета за 1837 г. из 97 121 ссыльных на 1 января 1835 г. 28 477 человек по

различным причинам считались инвалидами. Из этой группы 5 969 человек были каторжниками, которые, согласно отчетам, жили «на помощь» (при деревнях) – на них приходилось 38,2% всех ссыльных, отправленных на каторгу. Инвалиды значительно увеличили общий коэффициент смертности среди ссыльных. Экстраполировав данные отчета за 1833 г., Эндрю Джентес получил общий коэффициент смертности в ссылке в размере 18,63 на 1 000 человек. Но среди только недееспособных каторжников смертность составила 83,75. Высокий уровень смертности был во многом обусловлен непропорционально большим числом пожилых людей и инвалидов, сосланных в Сибирь. Тем не менее этот уровень был бы еще выше, если бы включал тех, кто умер по пути в Тобольск, откуда ссыльные попали в базу данных Сибирского комитета, из которой автором получены вышеуказанные цифры.

Дополнительные (в основном неофициальные) источники, которые приводит автор, свидетельствуют о том, что условия вдоль маршрута – через европейскую Россию, а также через Сибирь – часто были смертельными. Конвои из 300 заключенных проходили от 15 до 35 верст в день с двумя выходными днями в неделю. В 1851 г. генерал-адъютант Комитета министров Николай Николаевич Анненков провел инспекцию администрации Западной Сибири. Среди многих других проблем он обнаружил, что, несмотря на то, что в 1822 г. этому вопросу был посвящен целый регламент, маршрут марша все еще был в плохом состоянии – временные тюрьмы и промежуточные станции были темными, невентилируемыми и, как правило, не имели отдельных помещений для женщин. Поскольку временные тюрьмы были слишком малы, многим ссыльным приходилось спать под нарами, на грязном полу [15. Р. 33].

Конвои шли в любую погоду, и всем заключенным, за исключением административных ссыльных, приходилось носить кандалы, которые иногда вызывали гангренозные язвы, приводившие к ампутации или даже смерти. Только самым больным и наиболее ослабленным разрешалось ехать в повозках, но их было недостаточно. Отчеты о конвоях, которые отправились из Иркутска в Якутскую область в конце 1889 г., показывают, что у одной группы из 26 ссыльных было две повозки для пяти больных ссыльных, а у другой группы из 38 ссыльных было две повозки для семерых таких ссыльных [16]. Английский путешественник Уильям Споттисвуд, написавший в 1857 г. книгу «Путешествие на тарантасе по восточной России», подсчитал, что четверть всех ссыльных погибала во время марша.

В выводах к своей статье Эндрю Джентес резко осуждает политику царской России в отношении инвалидов, называя сложившуюся систему отвратительной, обрекающей десятки тысяч на смерть. Он обвиняет государство, делегировавшее ссыльным полномочия помещикам и общинным объединениям, которые, сложившись в «хищническую систему», установили экономи-

ческое обоснование для административной высылки «непродуктивных и обременительных крестьян».

В статье Клаудии Вайс «Наша: приобретение Сибири для Российской империи» автор анализирует смысловое значение слова «наш», которое выражает «ментальное присвоение» Сибири русскими, укорененное в их сознании, и то место, которое Сибирь занимает в современной России. Но это «ментальное присвоение» складывалось на протяжении нескольких веков, и еще вплоть до конца XVIII в. элиты, жившие в центральных регионах империи, рассматривали Сибирь как чужеземную территорию, хотя и эксплуатировали ее экономически. Этот подход изменился в XIX в. вследствие влияния националистских идей и идей империализма, и элиты стали считать Сибирь «нашей» не только в экономическом или военном отношении, но и в духовном, ментальном. Проанализировав понятие «наш» в русском языке с точки зрения лингвистики, К. Вайс приходит к выводу о том, что любой человек, называющийся «нашим», является частью коллектива, а в отношении национальной идентичности «наш» для русских означает, что он или она является россиянином. В современном русском языке «наш» уже означает «отечественный» или «российский», т.е. очевидно, что слово «наш» достигает статуса выражения национальной идентичности. Это слово означает также обладание, причем не индивидуальное, а коллективное. Автор отмечает, что когда русские говорят «Сибирь наша» – это не означает, что Сибирь – это Россия, это означает, что Сибирь принадлежит России [17. Р. 144].

Присвоение Сибири русскими проходило в несколько этапов, одним из которых была колонизация. По мнению автора, грубое эксплуататорское поведение первых колонистов, в основном казаков, спровоцировало сопротивление части местного населения. К. Вайс ссылается на Бориса Шишло, российского историка, сейчас работающего за рубежом, который отразил русское завоевание и «миссию, несущую цивилизацию» в одном славянском и трех турецких словах: острог, атаман, аманат и ясак [Ibid. Р. 145]. Властолюбие местных представителей власти также указывало на восприятие Сибири как «нашей». Человек обладает землей и людьми и может делать с ними все, что захочет, – такое отношение, по мнению автора, спровоцировало долгую историю военных конфликтов и восстаний сибирского населения против «российской оккупации». Чтобы преодолеть такого рода конфликты и продолжать извлекать выгоду из сибирских экономических ресурсов, Сибирь должна была быть колонизирована людьми того же культурного происхождения, что и завоеватели, людьми, которые могли строить административные структуры и оттеснять местных жителей. Данную задачу, как полагает Вайс, с успехом выполняли ссыльные.

Вместе с увеличением числа людей русского происхождения, которые все больше формировали Сибирь и

усиливали связи с центральной частью России благодаря их личным связям и отношениям с основной областью страны, росло и сознательное включение Сибири в Российскую империю. Но Сибирь была слишком далеко, обстоятельства слишком разные. Там не было крепостного права, не было дворянства. Уезжая в Сибирь, люди больше не были частью их бывшего коллектива. Вместо этого они являлись «нашими», собственностью коллектива. У них были один и тот же язык, одна и та же религия и одна и та же культура [17. Р. 149].

Ментальный аспект имперского присвоения Сибири указывал на существенное различие между Российской империей и другими империями в эту эпоху, такими как Британская, Османская или Австрийская империи, или даже более старыми колониальными империями, такими как Испания. Благодаря взаимодействию централистских, авторитарных структур власти и ментальных притязаний на имперское владение Россия дважды поглощала некоторые части своей империи. Автор считает, что особое восприятие, выраженное словом «наша», повлияло на самоопределение этих частей, а также на их внешнее восприятие. Сибирь остается самым ярким примером этого до сих пор. Попытки Сибири отделиться от российской основной области всегда были недолгими. В конце XIX в. областники попытались развить особую сибирскую идентичность с политическим влиянием, однако их лидеры были настолько «нашими», испытывали на себе столь сильное воздействие русской культурной и интеллектуальной жизни, что их усилия казались скорее протестом против централизованной власти. После революции 1917 г. Сибирь также пыталась установить для себя региональную автономию и находилась под руководством Колчака во время Гражданской войны против Красной армии с ноября 1918 г., но с победой большевиков была реинтегрирована в РСФСР [Ibid. Р. 150].

К. Вайс полагает, что после распада Советского Союза в 1991 г. в Москве усилился страх, что российский Дальний Восток может отделиться, привлеченный американскими и японскими деньгами, и что он может втянуть Сибирь в водоворот. По ее словам, этот оправданный страх все еще присутствует, так как Сибирь страдает от огромного оттока русского населения, а через ее юго-восточные границы въезжают граждане Китая.

Сокращение населения России, по мнению К. Вайс, грозит утратой права притязания на регион. Вооруженные силы России в настоящее время не позволяют ей контролировать развитие Сибири посред-

ством военного присутствия. Независимо от того, какие соображения преследует власть, видимые результаты политики российского правительства в Сибири удивительно хорошо соответствуют концепту «наша». Центр политической власти пытается предотвратить внешние финансовые вложения, которые могут привести к экономической, социальной или политической переориентации региона за пределами Российской Федерации, даже отключает инфраструктуру, которая слишком сильно связывает российский Дальний Восток с соседями как потенциальными экономическими партнерами [17. Р. 151].

Подводя итог вышесказанному, К. Вайс заключает, что российско-сибирские отношения создали идентичности друг друга. С одной стороны, русский образ мышления позволил присвоить Сибирь, поглотив ее также ментально и, таким образом, сделав ее частью российской идентичности. Сегодня Россия кажется невысказанной без Сибири. С другой стороны, именно Россия первой создала единство Сибири, мысленно присвоив ее в целом. Следовательно, сибирская идентичность сначала развивалась через русское восприятие, которое служило ей зеркалом для осмысления себя, и по этой же причине Сибирь невысказана без России.

Представленные в данной работе научные статьи о сибирской колонизации, лишь некоторые по данной теме из числа опубликованных в журнале «Сибирика», позволяют сделать следующие выводы. Западные исследователи, рассматривают процесс освоения Сибири в привычных для себя категориях колониализма, идеологически тенденциозны и политически ангажированы, они ищут в политике русских в Сибири негатив, но они же дают возможность рассмотреть в другом ракурсе и по-новому оценить некоторые вопросы, которых не было в фокусе внимания отечественных исследователей. Так, источники, которые использует Э. Джентес, освещающая вопросы сибирской ссылки, и выводы, к которым он приходит, также представляют несомненный интерес, хотя влияние ссылки на формирование населения в Сибири он явно преувеличивает. К. Вайс, рассуждая о причинах отличий колониальных процессов России от колонизации в других странах, предпринимает попытку осмыслить ментальное восприятие Сибири русскими и той роли, которую Россия сыграла в формировании ее идентичности. Научная ценность рассмотренных работ не вызывает сомнений и побуждает нас к дальнейшему изучению опыта зарубежных исследователей, отраженного в научной периодике, для построения глобального диалога о прошлом, настоящем и будущем Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зуев А.С. Характер присоединения Сибири в новейшей отечественной историографии // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 1: Культурный космос Евразии. Новосибирск, 1999. С. 124–136.
2. Хромых А.С. Проблема «сибирского фронта» в современной российской историографии // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 5. С. 106–112.
3. Ананьев Д.А. Западная историография присоединения и начального освоения Сибири в оценках отечественных исследователей. Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы : сб. материалов Региональной молодежной научной конференции. Новосибирск : Параллель, 2007. С. 5–12.

4. Попов И.А. Факторы русской колонизации XVII–XVIII веков в современной англо-американской историографии : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2016.
5. Wood A. *Russia's frozen frontier: a history of Siberia and the Russian Far East, 1581–1991*. N.Y. : Bloomsbury Academic, 2011. 289 p.
6. Петухов А.В. Восточная политика России в середине XVI в. в англо-американской историографии : дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2003.
7. Дятлова А.К. Внешняя политика России на Дальнем Востоке на рубеже XIX–XX вв. в современной англо-американской историографии : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2015.
8. Воробьева Т.В. Калифорнская историческая школа о расширении территории Российского государства. Петропавловск-Камчатский, 2012. 226 с.
9. Ананьев Д.А. История Сибири конца XVI–XIX вв. в англо- и германоязычной историографии. Новосибирск, 2012. 288 с.
10. Brennan C., Wood A. Editors' foreword // *Sibirica*. 2002. Vol. 2, № 1. P. 3–4. DOI: 10.1080/1361736022000007345
11. Collins D. Sexual imbalance in frontier communities: Siberia and New France to 1760 // *Sibirica*. 2004. Vol. 4, № 2. P. 162–185. DOI: 10.1080/13617360500150194
12. Оглоблин Н.Н. Женский вопрос в Сибири XVII в. // Исторический вестник. 1890. Т. 41, № 7. С. 195–207.
13. Шерстова Л.И. Движение русских за Урал: этнокультурные трансформации этноса в XVII–XIX вв. // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 58. С. 170–177.
14. Вахтин Н.Б. Русские старожилы Сибири: Социальные и символические аспекты самосознания. М. : Новое издательство, 2004. 292 с.
15. Gentes A. "Completely useless": exiling the disabled to tsarist Siberia // *Sibirica*. 2011. Vol. 10, № 2. P. 26–49. DOI:10.3167/sib.2011.100202
16. Государственный архив Иркутской области. Ф. 91. Оп. 2. Д. 691. Л. 105.
17. Weiss C. Nash: Appropriating Siberia for the Russian Empire // *Sibirica*. 2006. Vol. 5, № 1. P. 141–155. DOI: 10.1080/13617360500150194

Elena A. Mikhaylitsina. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mihailicina@mail.ru

SIBERIAN COLONIZATION IN MODERN ENGLISH-AMERICAN SCIENTIFIC PRESS

Keywords: Siberian colonization; *Sibirica*; exile; foreign historiography.

The article is devoted to a review of publications in the foreign scientific journal "Sibirica" on issues of Siberian exile and colonization. Since the journal *Sibirica* is not known to the Russian scientific community as a source of materials on the foreign historiography of Siberia, its detailed description is given. The journal is a discussion platform for scientists from around the world publishing the results of their research related to human activities in the region. An analysis of modern Russian and Anglo-American historiography of Siberia allows us to conclude that, despite the use of the same archival sources and materials, Russian and Western researchers often come to different conclusions or make their own attempts to comprehend the causes of certain events on the basis of the data received. Since the journal's articles are not a homogeneous complex, they were divided into several groups according to the thematic principle. In this paper, the works on the issues of Siberian exile, colonization and regionalism are analyzed.

In his article D. Collins notes that the exile was one of the main sources in overcoming the inequality in the number of men and women during the colonization of Siberia, thus refuting the position of Soviet historians on this issue. The author cites the data from anthropological studies that showed that the largest number of mixed marriages and the largest percentage of mixed-race people were found in the north and east of Siberia. He clarified that until this time the Russian population in northern and eastern Siberia was much smaller than in its southern and western parts, what is more, the skills of indigenous wives and trade relations that arose as a result of marriages were valued higher in the northern and eastern regions which were poorly suitable for agriculture.

Another researcher of Siberian exile, A. Gentes, describes the Tsarist Russia's system for the deportation of disabled to Siberia for a long time, from the middle 16th to the end of 19th century. He provides convincing evidence of high mortality among exiles, which was mainly resulted from a disproportionately large number of elderly and disabled people among them.

C. Weiss in her work suggests that Siberian exile, as a way to populate the territory beyond the Urals with people of the same cultural origin as the "conquerors", played an important role in overcoming the conflicts emerged in the course of colonization, as these people could build administrative structures and drive out indigenous tribes. C. Weiss, discusses the reasons for the differences between the colonization processes of Russia and colonization in other countries and makes an attempt to comprehend the mental perception of Siberia by Russians and the role that Russia played in shaping Siberian identity.

In conclusion, the author emphasizes the significance of the foreign colleagues' works for a complex study of Siberian issues.

REFERENCES

1. Zuev, A.S. (1999) Kharakter prisoedineniya Sibiri v noveyshey otechestvennoy istoriografii [The annexation of Siberia in the modern Russian historiography]. In: Mitko, O.A. (ed.) *Evrasiya: kul'turnoe nasledie drevnikh tsivilizatsiy* [Eurasia: The Cultural Heritage of Ancient Civilizations]. Issue 1. Novosibirsk: Novosibirsk State University. pp. 124–136.
2. Khromykh, A.S. (2008) Problema "sibirskogo frontira" v sovremennoy rossiyskoy istoriografii [The problem of the "Siberian frontier" in modern Russian historiography]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 5. pp. 106–112.
3. Ananiev, D.A. (2007) Zapadnaya istoriografiya prisoedineniya i nachal'nogo osvoiniya Sibiri v otsenkakh otechestvennykh issledovateley [Western historiography of accession and initial development of Siberia in the estimates of Russian researchers]. In: Kirillov, A.K. (ed.) *Istoricheskie issledovaniya v Sibiri: problemy i perspektivy* [Historical Research in Siberia: Problems and Prospects]. Novosibirsk: Parallel'. pp. 5–12.
4. Popov, I.A. (2016) *Faktory russkoy kolonizatsii XVII – XVIII vekov v sovremennoy anglo-amerikanskoy istoriografii* [Factors of Russian colonization of the 17th – 18th centuries in modern Anglo-American historiography]. Abstract of History Cand. Diss. Kazan.
5. Wood, A. (2011) *Russia's frozen frontier: a history of Siberia and the Russian Far East, 1581–1991*. New York: Bloomsbury Academic.
6. Petukhov, A.V. (2003) *Vostochnaya politika Rossii v seredine XVI v. v anglo-amerikanskoy istoriografii* [Russian eastern policy in the middle of the 16th century in Anglo-American historiography]. History Cand. Diss. Cheboksary.
7. Dyatlova, A.K. (2015) *Vneshnyaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke na rubezhe XIX–XX vv. v sovremennoy anglo-amerikanskoy istoriografii* [Russian foreign policy in the Far East at the turn of the 20th century in modern Anglo-American historiography]. Abstract of History Cand. Diss. Ekaterinburg.
8. Vorobieva, T.V. (2012) *Kaliforniyskaya istoricheskaya shkola o rasshirenii territorii Rossiyskogo gosudarstva* [California Historical School on the expansion of the Russian state expansion]. Petropavlovsk-Kamchatsky: Kamchatka State University.
9. Ananiev, D.A. (2012) *Istoriya Sibiri kontsa XVI – XIX vv. v anglo- i germanoyazychnoy istoriografii* [History of Siberia at the end of the 16th – 19th centuries in English and German historiography]. Novosibirsk: SB RAS.
10. Brennan, C. & Wood, A. (2002) Editors' foreword. *Sibirica*. 2(1). pp. 3–4. DOI: 10.1080/1361736022000007345
11. Collins, D. (2004) Sexual imbalance in frontier communities: Siberia and New France to 1760. *Sibirica*. 4(2). pp. 162–185. DOI: 10.1080/13617360500150194
12. Oглоблин, Н.Н. (1890) Zhenskiy vopros v Sibiri XVII v. [Women's issue in Siberia of the 17th century]. *Istoricheskiy vestnik*. 41(7). pp. 195–207.

13. Sherstova, L.I. (2019) Russian movement beyond the Urals: ethno-cultural transformations of the ethnos in the 17th – 19th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 58. pp. 170–177. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/58/24
14. Vakhtin, N.B. (2004) *Russkie starozhily Sibiri: Sotsial'nye i simvolicheskie aspekty samosoznaniya* [Russian old-timers of Siberia: Social and symbolic aspects of self-awareness]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
15. Gentes, A. (2011) “Completely useless”: exiling the disabled to tsarist Siberia. *Sibirica*. 10(2). pp. 26–49. DOI:10.3167/sib.2011.100202
16. The State Archive of the Irkutsk Region (GAIO). Fund 91. List 2. File 691. L. 105.
17. Weiss, C. (2006) Nash: Appropriating Siberia for the Russian Empire. *Sibirica*. 5(1). pp. 141–155. DOI: 10.1080/13617360500150194